

Российская бедность: масштабы, причины, перспективы

О бедности сейчас говорят и пишут много. И все-таки до сих пор и среди специалистов, и для широкой общественности открытым остается вопрос о том, что же такое бедность вообще и российская бедность в частности, каковы ее причины, что может наиболее эффективно способствовать ее преодолению.

Одним из возможных путей более глубокого понимания того, что же представляет собой бедность в России, выступает позиционирование ее на общем фоне неравенств, т.е. рассмотрение ее не самой по себе, как изолированного социального феномена, а в контексте общей модели социальной структуры российского общества, построенной по критерию уровня жизни. При этом наиболее перспективным для условий современной России представляется подход, при котором уровень жизни понимается как совокупность жизненных шансов в сфере потребления.

Соответственно, в основу модели социальной структуры российского общества по критерию уровня жизни мы¹ положили именно различия реальных жизненных шансов россиян, попытавшись зафиксировать их через разработанный нами *индекс уровня жизни*, и, уже на основе его показателей, создать шкалу вертикальной стратификации. Основная проблема, с которой мы столкнулись при построении этого индекса, заключалась в том, что следует рассматривать в качестве критериев реального уровня благосостояния людей. Ведь зачастую в основу оценок уровня материальной обеспеченности кладется какой-то один критерий - как правило, это либо критерий среднедушевого дохода (в условиях современной России, безусловно, скорее искажающий, чем отражающий реальную картину), либо субъективные оценки материального положения (которые также имеют весьма косвенное отношение к действительным жизненным стандартам россиян, и в немалой степени зависят от их притязаний).

На волне критики существующих традиционных методов в оценках уровня благосостояния в последнее время возник, впрочем, интерес и к использованию иных социологических подходов, предполагающих учет широкого спектра не только денежных, но и любых других экономических ресурсов (имущественных, жилищных и т.д), влияющих на поддержание определенного уровня материального благосостояния. Ведь накопленный в течение жизни непроизводственный экономический потенциал активно используется в реальных жизненных практиках и имеет огромное значение в процессе выживания и адаптации, а в конечном счете – в разнице жизненных шансов в сфере потребления и занятии определенной позиции в системе стратификации общества. Попытка сконструировать

---

¹ Речь идет о работе, проведенной группой в составе Н.М.Давыдова, И.П.Попова и Н.Е.Тихонова (руководитель) в ходе реализации проекта "Изменяющаяся Россия: формирование новой системы стратификации", выполняемом при финансовой поддержке РГНФ (проект № 03-03-00234а). В рамках работы над данным проектом подготовлена и настоящая статья.

интегральный индикатор уровня жизни, учитывающий различные его аспекты, была предпринята нами на основе эмпирического материала, полученного в ходе исследования ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» (2003)², являвшегося репрезентативным для населения России в целом.

Основой построения индекса являлась гипотеза о том, что определение реального уровня жизни включает не только оценку уровня благосостояния, но и оценку уровня депривации, то есть испытываемых лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ. Реально имеющиеся у каждого человека "блага" и испытываемые им лишения и дают в совокупности реальную картину его уровня жизни. Таким образом, *нашей исходной гипотезой при построении индекса уровня жизни выступало предположение, что дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у него есть, но и в том, чего у него нет.*

Выделяя признаки депривации, мы исходили из того, что депривированным группам приходится ограничивать себя (или полностью отказываться) от самых необходимых расходов – на питание, одежду, лечение. К признакам депривации относятся также невозможность поддержания нормальной первичной среды обитания (иметь удовлетворительные жилищные условия, иметь и обновлять наиболее распространенные среди россиян предметы длительного пользования), недоступность в силу отсутствия средств полноценной рекреации, получения желаемого образования и т.д. Таким образом, бедность мы рассматривали в русле относительного подхода к бедности, основоположником которого является П.Таузенд. Надо сказать, что именно так воспринимают бедность и сами россияне³, причем характерными признаками бедности для большинства из них выступают плохое питание (84,7%), недоступность приобретения новой одежды и обуви (54,7%), плохие жилищные условия (53,5%), недоступность качественной медицинской помощи (51,9%), отсутствие возможностей получить хорошее образование (40,1%). Все остальные особенности их жизни набирают менее 40% голосов респондентов⁴.

Учитывая все вышесказанное, при определении показателей и индикаторов, на основе которых рассчитывался индекс уровня жизни, мы постарались учесть как признаки депривации, так и признаки благосостояния (которые, судя по имевшемуся у нас эмпирическому материалу, в подавляющем большинстве случаев одновременно встречались у одного и того же человека). Причем признаки депривации или испытываемых лишений оценивались нами при расчете индекса со знаком «минус», в то время как наличие тех или иных ресурсов (имущества, недвижимости, сбережений, возможностей использовать те или

---

² В основу исследования «Богатые и бедные в современной России» закладывалось два типа выборки. Первая формировалась по квотному принципу и репрезентировала жителей 12 территориально-экономических районов страны (согласно районированию, принятому Госкомстатом РФ). Квотирование осуществлялось по полу, возрасту, типу поселения (согласно статистическому распределению населения РФ). Объем основной выборки составил 2106 респондентов. Наряду с основной выборкой в исследовании использовалась выборка дополнительного экспертного опроса по богатым слоям населения России.

³ См. об этом подробнее: Н.Е.Тихонова. Феномен городской бедности в современной России. М., Летний сад, 2003.

⁴ Подробнее об этом см. в монографии "Россия: новая социальная реальность". Отв. ред. М.Горшков и Н.Тихонова. М., "Наука", 2004.

иные услуги, практиковать те или иные формы досуга и отдыха) – со знаком «плюс», что позволяло математически отразить тот факт, что испытываемые лишения и имеющиеся блага в жизни каждого человека могут взаимокompенсироваться.

Общее количество учитываемых при построении индекса уровня жизни индикаторов составило 46, что, с учетом разного количества баллов, присваиваемых за наличие различных признаков⁵, задавало исходную шкалу вертикальной стратификации по критерию уровня жизни в интервале от –23 до +67 баллов. На практике же после расчета показателей индекса уровня жизни по каждому респонденту в отдельности его показатели колебались по общероссийскому репрезентативному массиву от -18 до +39 баллов. Что касается содержательного наполнения индекса уровня жизни, то в основе учитывавшихся для его расчета показателей были: 1) субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; 2) имущественная обеспеченность; 3) наличие недвижимости; 4) качество жилищных условий; 5) наличие и размеры сбережений; 6) возможность использования платных социальных услуг; 7) досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами⁶.

Как видим, индекс достаточно полно отражал неравенство возможностей и жизненных шансов представителей различных слоев практически во всех сферах потребления. Как выглядит модель стратификации российского общества, построенная на основании полученных показателей индекса, показано на рисунке 1.

Рисунок 1

Модель социальной стратификации российского общества по критерию уровня жизни, 2003г.⁷

Надо сказать, что, судя по результатам дополнительного опроса представителей богатых слоев населения в ходе исследования "Богатые и бедные в современной России",

---

⁵ При анализе полученного эмпирического материала оказалось, что для слоев российского населения, стоящих на разных ступенях социальной лестницы, пороговыми будут разные типы ресурсов и разный набор содержащихся в них элементов. Если, например, для наиболее депривированной части общества наиболее значимым являлся состав того, чего у них нет, насколько сужены их возможности в жизни, то для средних слоев это были уже качественно иные критерии, сосредоточенные на том, что у них есть, причем "пороговым" при переходе от малообеспеченных к среднеобеспеченным слоям населения выступало наличие возможности пользоваться платными услугами. Для различающихся уровнем своего благосостояния представителей средних слоев признаками этой разницы выступали различные виды движимого имущества. Грани между средними и богатыми слоями населения соответствовало смещение приоритетных различий в сторону характера находящейся в собственности недвижимости и т.д. Исходя из этого, нам представлялось целесообразным присвоение используемым для построения индекса показателям различного удельного веса в зависимости от степени их значимости в оценках уровня материальной обеспеченности. "Пороговым" показателям, характеризующим качественные различия слоев, придавался относительно больший удельный вес, чем остальным. Соответственно, в зависимости от того, носили ли соответствующие индикаторы "пороговый" характер, присваиваемые им балльные оценки дифференцировались от –3 до +4 за наличие соответствующего индикатора.

⁶ Подробнее о методике расчета индекса уровня жизни см.: Н.Е.Тихонова, Н.М.Давыдова, И.П.Попова. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества. – СОЦИС, 2004, № 6.

⁷ Модель построена в программе Quattro Pro симметрично вертикальной оси координат, где по вертикали идут показатели индекса уровня жизни в баллах, а по горизонтали – доля имеющих соответствующий показатель ИУЖ в процентах от общего числа опрошенных.

шпиль представленной на рисунке 1 фигуры должен быть гораздо выше, так как в общероссийском опросе, включавшем в себя экспертный опрос представителей богатых слоев населения, которые в обычный репрезентативный опрос не попадают, максимальный показатель индекса уровня жизни составлял +54 балла, а в репрезентативном, на материалах которого и был построен рисунок, - +39 баллов.

Второе, что надо отметить, комментируя рисунок 1, это то, что, судя по конфигурации представленной на рисунке модели, тип имущественной стратификации, характерный для современного российского общества, не является чем-то уникальным, хотя и имеет определенные особенности. Депривированная часть общества в нем составляет относительное меньшинство, хотя и очень велика. Большинство населения сосредоточено в средних слоях, хотя "середина" фигуры при этом явно смещена вниз. Хорошо видна на модели также колоссальная дифференциация, растянутость по вертикали уровня жизни наиболее благополучных слоев населения, численность которых составляет около 5% всего населения России.

Третье, что хотелось бы отметить, комментируя этот рисунок, это то, что медиана проходит в нем на уровне показателя индекса в 5 баллов (не более 5 баллов по показателям индекса имело 52,0% опрошенных). Медианный уровень жизни в сегодняшней России фактически означает жизнь на уровне малообеспеченности⁸ – достаточно сказать, что для того, чтобы набрать 5 баллов при расчете индекса, типичная семья из родителей с одним ребенком должна была жить в квартире общей площадью не более 45 кв.м, иметь огород без садового домика, из домашнего имущества пользоваться только купленными не позднее середины 90-х годов холодильником, телевизором, пылесосом, стенкой и стиральной машиной, ничего не купить в дом за последние семь лет, из платных услуг иметь возможность оплачивать лишь медицинские услуги, тратить деньги на развлечения только на кино, и при этом оценить как "плохие" только свои возможности отдыха в период отпуска. На рисунке 1 медиана обозначена пунктиром.

---

⁸ Всего на основании показателей ИУЖ и содержательного анализа имевшегося эмпирического материала нами было выделено 10 основных страт российского общества, попадающих в репрезентативные опросы, и еще одна, объединяющая различные субэлитные и элитные группы, которые в массовые опросы не попадают, но оказались представлены в экспертной части опроса исследования "Богатые и бедные в современной России". Более дробное деление было нецелесообразно, т.к. общий объем выборки делал выделение большего числа страт бессмысленным, а при сокращении числа страт менее 10 пришлось бы объединять в одну группу достаточно сильно различающиеся между собой слои. В этом плане наша оценка совпала с оценкой О.И.Шкаратана, который на другой, хотя и близкой по численности, выборке общероссийского опроса, и с использованием других методов обработки данных также считал оптимальным выделение в российском обществе 10 основных слоев (см. О.И.Шкаратан. Российский порядок: вектор перемен. М., Вита-Пресс, 2004, с.179). Я понимаю, разумеется, что понятие страты включает не только особенности уровня жизни, но более глубокий анализ выделенных групп еще впереди, а предварительный показал, что они различаются между собой по всем основным особенностям, учитываемым в рамках стратификационного подхода. Однако, поскольку именно уровень жизни воспринимается большинством россиян как основное проявление социального неравенства (см. Н.Е.Тихонова. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М., РОССПЭН, 1999), условно можно было бы назвать эти группы в соответствии с их уровнем жизни «нищие» (6,6%), «бедные» (15,2%), «нуждающиеся» (8,9%), «малообеспеченные» (29,5%), «нижний средний слой» (15,5%), «средний слой-1» (6,6%), «средний слой -2» (7,1%), «верхний средний слой» (4,7%), «пограничный слой богатых» (4,4%), «богатые» (1,4%), «очень богатые» (0,1%). При этом доля 10 группы («богатые») и, особенно, 11 группы («очень богатые») в общей численности населения, несомненно, больше, чем в составе респондентов репрезентативных опросов.

Наконец, четвертое, что нужно отметить, комментируя рисунок, это тот факт, что доля населения, показатели индекса уровня жизни у которых носили отрицательный характер или равнялись 0, т.е. свидетельствовали о депривации⁹, составляла 30,7% опрошенных. При этом у 6,5% показатели индекса уровня жизни находились в интервале (-18) – (-8) баллов, то есть свидетельствовали об очень глубокой депривации, и еще у 15,2% в интервале (-7) – (-2), т.е. их депривация также была весьма значительна¹⁰. Причем та часть россиян, которая живет сейчас ниже стандарта, считающегося большинством населения приемлемым уровнем жизни, - это далеко не всегда наименее обеспеченная с точки зрения уровня их доходов часть населения. Поэтому, судя по нашим данным, любые мероприятия в рамках государственной социальной политики, где бедность понимается как уровень доходов ниже некоего минимума, затронет менее половины реально бедных – даже в группе «нищих» доходы ниже половины региональной медианы имели лишь около 40%, а каждый пятый имел доходы выше региональной медианы. В группах «бедных» и «нуждающихся» соответствующие показатели практически совпадали и составляли 22% и треть этих групп.

В то же время бедные слои населения, невзирая на уровень их доходов, не могут в подавляющем большинстве самостоятельно выйти из той ситуации, в которой они оказались. Это низкоресурсные слои, лишенные не только экономического или квалификационного капитала, но даже элементарного социального капитала, который позволял бы им рассчитывать на чью-либо поддержку кроме государственной. Не останавливаясь на этом подробно, отмечу лишь, что специальный расчет индекса социального капитала¹¹ показал, что при шкале от 0 до 3 баллов в 1 стране ("нищие") нулевые показатели индекса были характерны для трех четвертей группы, во второй стране – для 60%, в третьей – для половины.

Таким образом, проблема борьбы с реальной бедностью, а не только «бедностью по доходам», заключается в учете специфики их расходов, с одной стороны, и специфике располагаемых ресурсов – с другой. А это означает необходимость детально разобраться в причинах бедности, которые далеко не однородны и влекут за собой принципиально разные последствия для социальной политики. Не претендуя, разумеется, на сколько-нибудь полное освещение этой проблемы в небольшой статье, хотелось бы обратить внимание на полученные нами данные о мнениях самих россиян по данному вопросу.

---

⁹ На рисунке 1 эта часть населения отсечена от остального населения сплошной линией. Как видим, характерной особенностью этой депривированной группы, выступает ее достаточно четкое отделение от основной массы россиян по особенностям поведения группы на модели – резкому сокращению численности по мере углубления депривации. Аналогично вела себя и группа наиболее обеспеченного населения, также демонстрируя резкое сокращение по мере роста показателей ИУЖ (на рисунке выделены верхней сплошной линией).

¹⁰ Разделение депривированной части населения на три группы, проживающие на уровне нуждаемости, бедности и нищеты, было произведено нами с помощью метода линейной регрессии в подпрограмме CHAID программы SPSS при анализе распределений ответов на 7 контрольных вопросов – о самооценке материального положения, о самооценке своей жизни в целом, о самооценке своего социального статуса и т.п. Аналогично проводилось определение границ показателей ИУЖ и для других групп.

¹¹ См. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства. – *Общественные науки и современность*, 2004, № 4.

В этой связи надо сразу подчеркнуть, что с целью выявить по возможности реальные причины бедности, в исследовании «Богатые и бедные современной России» вопрос о причинах бедности задавался лишь применительно к причинам бедности людей, которых опрашиваемые хорошо знали лично, и допускал несколько ответов (на случай, если таких знакомых было несколько). Таким образом, можно считать, что при ответах на этот вопрос всеми опрошенными, в том числе и самими бедными, была дана экспертная оценка причин бедности в современной России (см. табл.1).

Таблица 1

Оценка россиянами причин бедности их личных знакомых¹², в %
(допускалось несколько ответов)

	<i>В целом по России</i>	<i>Бедные (ИУЖ не выше 0)</i>
Длительная безработица	41,2	42,4
Невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий	46,9	47,2
Семейные неурядицы, несчастья	25,0	25,3
Болезнь, инвалидность	36,8	44,2
Алкоголизм, наркомания	34,9	34,2
Низкий уровень жизни их родителей	20,5	20,9
Проживание в бедном регионе (районе, городе, местности)	17,4	16,8
Отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых, одиночество	20,1	23,2
Недостаточность государственных пособий по соц. обеспечению	37,2	42,6
Лень, непригодность к жизни	22,6	14,6
Плохое образование, низкая квалификация	22,5	18,5
Наличие большого числа иждивенцев	17,2	20,0
Они мигранты, беженцы	5,5	6,1
Нежелание менять привычный образ жизни	19,3	13,7
Им просто не везет	13,7	13,4

Как видно из таблицы 1, решающую роль в причинах бедности своих знакомых россияне отводили макрофакторам (безработица, задержка зарплат, недостаточность социальных пособий и т.д.). Причем оценки всех россиян и тех из них, кто относился к бедным слоям населения, были достаточно близки по всем позициям этой группы причин за исключением одного фактора - «недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению», который бедные отмечали намного чаще, видимо уповая в большей степени на государственную помощь, чем на самих себя.

Вторую по значимости группу причин бедности составляли личные проблемы – семейные несчастья (смерть кормильца, пожар и т.д.), болезнь, наличие большого числа иждивенцев и т.д. Здесь также оценки были достаточно близки, за исключением ситуации со здоровьем, которую бедные указывали как причину бедности заметно чаще, а также наличием большого числа иждивенцев.

Такое распределение ответов свидетельствует не только об общей слабости государственной социальной политики, но и о ее наиболее узком месте – недостаточном

¹² На данный вопрос ответило 83,0% респондентов, поскольку остальные не имели людей, которых они считали бы бедными, среди людей, которых они хорошо знали лично.

учете дополнительных расходов, которые влечет за собой для людей серьезное заболевание, даже не влекущее за собой инвалидности. Не случайно среди представителей четырех нижних страт как «плохое» свое здоровье оценили свыше трети опрошенных, в средних слоях – 10-13%, а начиная с верхнего среднего – не более 6%. С другой стороны, свыше 80% тех, кто оценил свое здоровье как «плохое», попали в состав четырех низших страт.

Наконец, социально-психологические причины (лень, инертность), о которых среди специалистов говорится намного реже, чем о двух первых группах причин бедности, отметили почти 42% опрошенных россиян и только 28,3% самих бедных, причем среди «нищих» - лишь 24,2%. Если к этим причинам добавить алкоголизм и наркоманию, которые являются причиной бедности более чем у трети знакомых опрашивавшихся россиян, то выясняется, что большинство опрошенных имеет среди своих знакомых людей, оказавшихся за чертой бедности фактически по собственной вине или по вине своих близких. Соответственно, *бедность для них может являться как легитимной (применительно к тем, кто "сам виноват"), так и нелегитимной (если она вызвана внешними, независящими от человека обстоятельствами или просчетами государственной социальной политики).*

Из приведенных выше данных следует и другой вывод - проблема борьбы с бедностью не может быть решена для значительной части самих бедных только за счет увеличения получаемых ими денежных средств (зарплат, пенсий, пособий и т.д.). С одной стороны, она предполагает *различные формы дополнительной помощи людям с плохим здоровьем, а с другой – разработки системы неденежных форм помощи, особенно в тех семьях, где есть дети, до которых, зачастую, получаемые семьей деньги просто не доходят* сегодня и не будут доходить и завтра, даже если размеры зарплат и пособий их родителей-алкоголиков повысят. Однако, пока мы наблюдаем прямо обратное – стоит вопрос о переводе неденежных форм государственной помощи в денежные (реформы ЖКХ, образования, здравоохранения). Подобные меры, может быть, и являются экономически эффективными, но применительно к условиям России и структуре внутрироссийских причин бедности они могут иметь самые плачевные социальные последствия.

Еще одним немаловажным обстоятельством, на которое хотелось бы обратить внимание при анализе масштабов, причин и перспектив преодоления российской бедности, выступает проблема границы бедности. Выше уже отмечалось, что есть три достаточно четко различающиеся группы, которые можно считать живущими в условиях бедности не только потому, что у них признаки депривации перевешивают признаки благосостояния, но и потому, что для них характерно доминирование тенденции ухудшения их положения на фоне улучшения или стабильности положения остальных групп, а это классический признак бедных слоев в стабильном обществе.

Однако, к этому вопросу возможны и иные подходы. Так, в рамках либеральной модели социальной политики к бедным можно отнести максимум две из этих групп, т.е. чуть больше 20% населения. С другой стороны, стандарт жизни «малообеспеченных», являющихся самой многочисленной группой российского общества, настолько низок, что позволяет левоориентированным политикам говорить о том, что две трети россиян живет в

состоянии бедности, хотя формально по ряду критериев (степень удовлетворенности своей жизнью, самооценка своего социального статуса, динамика изменения материального положения и т.д.) эта группа не соответствует традиционным представлениям о бедности, и в качественных интервью характеризует себя обычно как «живущих на грани, а не за чертой бедности».

В немалой степени такое расширительное толкование бедности определяется тем, насколько велик разрыв даже в сфере потребления (не говоря уж о размерах капитала) между различными слоями богатых. Его масштабы приводят в итоге к своего рода смещениям в массовом сознании, когда за норму принимается жизнь «пограничного слоя богатых» и возникает резкая неадекватность оценок большинством населения собственного материального положения. Причем сразу надо подчеркнуть, что это отнюдь не связано с якобы уравнительностью сознания россиян – судя по данным исследований ИКСИИ РАН 1992-2003гг.¹³ ни о какой уравнительности применительно к сознанию большинства россиян говорить не приходится. Более того, судя по данным исследования «Богатые и бедные в современной России», допустимый разрыв в доходах основной массы общества, без богатых и бедных, составляет для россиян 12,5 раза. Если учесть, что примерно такой разрыв характерен для соотношения доходов 10% наиболее бедного и 10% наиболее обеспеченного населения многих развитых стран, а россияне допускают его даже без учета бедных слоев, становится ясно, что проблема здесь не в якобы свойственной россиянам уравнительности, а в совершенно искаженных представлениях их о том, какой уровень жизни является нормальным (во что вносят свой немалый вклад СМИ), с одной стороны, и неадекватности уровня собственных притязаний – с другой.

В этой связи интересно сопоставить модели социальной структуры российского общества, полученные на основе самооценок россиянами своего нынешнего статуса, когда их просили расположить себя на десятибалльной вертикальной шкале социальных статусов, и их пожеланий относительно того места в обществе, которое они хотели бы занимать (см. рис.2 и 3).

---

¹³ См. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. Отв. ред. М.Горшков и Н.Тихонова. М., Летний сад, 2004.

Рисунок 3

**Модель социальной структуры
российского общества, составленная на
основе
самооценок россиянами своего
социального статуса, март 2003г.**

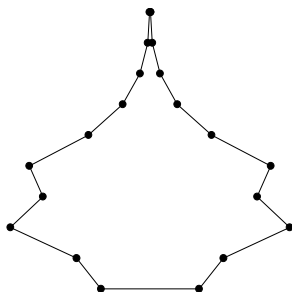
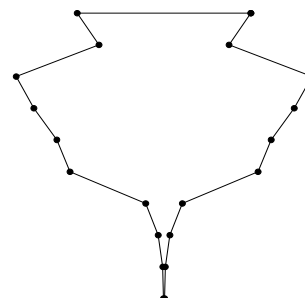

Рисунок 4

**Модель социальной структуры
российского общества, составленная на
основе пожеланий россиян об их
собственном социальном статусе, март
2003г.**

Понять, почему модель на рис. 2 так сильно отличается от структуры общества, представленной на рис. 1, помогает сопоставление моделей, представленных на рисунках 2 и 3, друг с другом. Как видно из этих рисунков, две трети населения стремятся занять места в верхней трети общества, что по определению невозможно, так как даже резкое улучшение реального положения населения приведет лишь к сдвигам в критериях социального статуса, а не перемещению россиян в массовом масштабе на верхние статусные позиции. Соответственно этим завышенным притязаниям россияне чрезмерно критически оценивают свое реальное положение, и низ фигуры, представленной на рис. 2, намного шире, чем низ фигуры на рис. 1. Не случайно две трети россиян охарактеризовали себя в ходе исследования "Богатые и бедные в современной России" как низкообеспеченных или живущих за чертой бедности. Более того, даже в 9 страте, условно названной нами "пограничный слой богатых", каждый седьмой охарактеризовал себя как низкообеспеченного или живущего за чертой бедности, и полностью исчезли эти оценки только в 11 страте - субэлитных и элитных группах. А это значит, что даже реальное улучшение материального положения населения в ходе объявленной борьбы с бедностью не приведет к автоматическому формированию в обществе сознания, что бедность реально сократилась.

Таким образом, говоря о причинах бедности и перспективах ее преодоления, надо четко различать два самостоятельных аспекта этой проблем – объективное сокращение численности людей, испытывающих множественную депривацию, с одной стороны, и ощущение себя находящимися "на черте" или "за чертой" бедности как субъективное, социально-психологическое явление, связанное с реальным уровнем бедности не более, чем с целым рядом других факторов. Борьба с "субъективной" бедностью, также достаточно опасной для социальной стабильности и уверенного социально-экономического развития России в будущем, является самостоятельной и весьма непростой задачей, значимость которой пока недостаточно осознается и структурами государственной власти, и специалистами, и широкой общественностью.

